

Шимырбаева Г.

В нынешнем году общественность страны отметит 130-летие выдающегося поэта, публициста, переводчика и этнографа Миржакыпа Дулатова, который вместе с Алиханом Букейхановым и Ахметом Байтурсыновым был одним из троих духовных лидеров национально-освободительного движения "Алаш". Он родился в селе Сарыкопа Кустанайской области в просвещенной казахской семье. Получив домашнее образование по основам ислама, поступил в Кустанае в казахско-русское училище, открытое Ибраем Алтынсариним. В программу двухгодичного образования входило изучение гуманитарных, экономических предметов, которые читались в Императорском Санкт-Петербургском университете. Преподавателем казахского языка и литературы в училище был Ахмет Байтурсынов, с которым в дальнейшем будет неразрывно связана литературная и политическая деятельность Миржакыпа Дулатова, и под влиянием которого, а также Алихана Букейханова и сформировались его взгляды.

Следуя заветам Абая

В 1907 году он едет в Санкт-Петербург на Всероссийский съезд кадетов делегатом от казахской партии конституционных демократов. Общение с русской интеллигенцией только укрепило его в мысли о том, что каждый человек несет ответственность перед временем, в котором живет. Здесь он выпустил единственный номер газеты "Серке" – "Вожак", которая открывалась песней-призывом "Жастарга" – "К молодежи". Обращаясь не к столпам общества – аксакалам и волостным управителям, а к тем, за кем будущее, поэт писал, что если уж в России царят предреволюционные настроения, то населению Казахстана и вовсе непозволительно быть инертной массой. Еще более четко свое политическое кредо Дулатов определил в поэтическом сборнике "Оян, казак!" – "Проснись, казах!", вышедшем в Уфе в 1909 году. Конечная цель, которую он ставил перед собой, – независимость Казахстана через политику, культуру и просвещение. Миржакып Дулатов и его сподвижники, чьим оружием были философия, идеалы и заветы Абая, считали, что чем образованнее будет большая часть народа, тем сознательнее казахское общество придет к пониманию обретения независимости. В 1910 году он публикует "Бахытсыз Жамал" – "Несчастливая Жамал" – первый роман на казахском языке. В предисловии автор написал, что посвящает его актуальнейшей теме – униженному положению казахской женщины в начале XX века. В 1913–1918 годах вместе с Ахметом Байтурсиновым издает в Оренбурге газету "Казах". – Сейчас практически все ее номера переведены с арабской графики на кириллицу, – рассказывает сотрудник Института литературы и искусства им. М. Ауэзова, доктор филологических наук Айгуль Исмакова, принимавшая участие в этом проекте. – Каждый номер "Казах", помимо освещения событий, происходящих в мире, содержит еще и призыв к независимости. Недолгая жизнь поэта, журналиста, переводчика и этнографа была отдана просвещению народа. Свою миссию он продолжал выполнять даже в самых сложных условиях. Так, находясь на Соловках, Миржакып Дулатов написал учебник по геометрии для казахских школ, а обнаружив в себе талант к врачеванию, весьма успешно лечил заключенных. За свои взгляды Дулатов не раз попадал за решетку и при царизме, и при большевиках. И те, и другие, не гнушаясь ничем, в том числе и оговорами, сводили счеты не только за его мировоззрение, но и за свободный, независимый дух. Так, в 1919 году Миржакыпа Дулатова огульно обвинили в причастности к смерти активного участника становления советской власти в Казахстане Амангельды Иманова. Гульнар Дулатова, его дочь, написала в своих воспоминаниях, что через много лет к ней приехал с покаянием сын Амангельды. С его слов, когда отец погиб в тургайских степях от случайной пули, Дулатов находился в Семипалатинске. Айгуль Исмакова с 1992 года читает спецкурс "Наука и репрессия" в Российском гуманитарном университете. – Перу Миржакыпа Дулатова принадлежат блестящие публицистические статьи и литературоведческие труды о творчестве выдающихся соотечественников. Когда я рассказываю об этом российской аудитории, вижу неподдельный интерес, – говорит она. – "Я не знаю, что останется о Чокане после советской власти, но я должен сказать всем, что он был ответственным за свой народ", – писал Миржакып Дулатов о Чокане Валиханове. А что касается феномена степного гения Абая, то об этом, считал он, нужно писать на русском языке, чтобы расширить аудиторию его читателей и почитателей. Сам Дулатов, владея блестящим слогом, филигранно писал на обоих языках. Не стала исключением и статья "Caveant, Consules!.." – "Консулы, будьте бдительны!..". Этот страстный, эмоциональный протест против существующего порядка вещей, направленный в защиту родного народа, стал живым откликом на наболевшие вопросы современности. Статья увидела свет в журнале "Сибирские вопросы" (1910, № 37) под псевдонимом Тургайский. Позволим себе привести выдержки из нее

Caveant, Consules!

Голод грозит юго-западной полосе Сибири..." – еще летом раздавались тревожные заявления степных скотоводов. "Жут келеде" ("бедствие надвигается") испуганно твердят все время киргизы своему многочисленному большому и малому начальству. Чтобы понять эту тревогу, надо знать те ужасные последствия, которыми грозит в Сибири каждый недород трав. Киргиз живет для скота, единственного источника своего существования. Все его интересы группируются около стад как около исключительной причины его материального благосостояния. Поэтому понятно, почему для киргиза охрана скота представляет главную, если не единственную, цель в жизни. Как нельзя более соответствует этому приветствие, с которым, по степному этикету, киргизы обмениваются при встрече: "мал, жан, бала-шаган аман ба?", т. е. "как благополучны: скот, душа и семья?". В силу этого у киргиза развилась удивительная наблюдательность и чуткость ко всякого рода метеорологическим проявлениям, их малейшим колебаниям. Он не мог не подметить периодичности этих проявлений, их приблизительно точной смены одним другим – словом, некоторую закономерность. Периодичность метеорологических явлений, совершающихся в киргизской степи с известной последовательностью, легла в основание киргизского летоисчисления: оно подразделяется на 12-летние периоды, из которых последний год, "коян-жыл", сопровождается засухами летом, буранами и гололедицами – зимой. По киргизскому исчислению нынешний год должен быть неблагоприятным для произрастания трав, и многие аулы еще с весны начали принимать меры к сохранению камышовых и тростниковых зарослей, щадили весной зимние пастбища, а летом старались сделать кое-какие запасы сена. Но, к сожалению, последняя наиболее рациональная мера оказалась невыполнимой: с одной стороны, наступившая продолжительная засуха окончательно сожгла траву, показавшуюся было после весеннего таяния снега, а с другой – полная беспомощность киргиза-скотовода в отношении необходимых машин для уборки сена. В результате, по частным и официальным данным, юго-восточная и сибирская степи дали ничтожный сбор сена, а на пастбищах совершенно отсутствует подножный корм, так как и летом, и осенью не было дождей. Новоселы еще с августа начали усиленно распродавать скот и лошадей, оставляя самую ничтожную долю рабочего инвентаря, а киргизы наводняют своим худым скотом торжки и ярмарки, отдавая его за бесценок, так как по опыту знают, что зимою скот все равно погибнет от бескормицы. С жутким чувством, с сознанием полной безвыходности вступает и киргиз, и переселенец в зиму. Кругом безбрежная степь, радующая взоры в хороший урожайный год, и жестокая в годы недорода. Бураны, в одну ночь уничтожающие тысячи голов скота, вынужденного всю зиму тебеневать; трескучие тридцатиградусные морозы, уносящие сотни животных; гололедица, сопровождающаяся массовыми выкидышами, низводящими иногда процент приплода до нуля, – вот та обстановка, в которой обречены прозябать и туземец, и новосел. Раньше, когда простор степей позволял скотоводам делать перекочевки на сотни и тысячи верст, "джут" не был так страшен: кочевник-скотовод мог найти участки, более обильные травой. Теперь степь изрезана под наделы для переселенцев, кочевание сведено до радиуса в десятки верст, и киргиз лишился единственной, хотя и пассивной, меры борьбы со стихийным бедствием, а вместо нее ничего не получил от начальства. Правительство, упорно отказывающее Сибири в широком самоуправлении, приняло на себя заботу об окраинах и, надо отдать ему справедливость, тратит на них миллионы народных рублей. Но на что тратит? На содержание окраинной сатрапии, на стражников, на представительство, на катанье чиновников. На проведение же в жизнь окраин более

рациональных экономических мероприятий не расходуется и рубля, и все предоставлено где Николаю Чудотворцу, где – Аллаху. Правда, в департаментах сотнями сочиняются всяческие проекты о "поддержании" и "поднятии" окраинного хозяйства, о превращении окраин в "цветущий сад", в "страну Эльдорадо", но все это – шалости пера. Окраинные сатрапы иногда также разрожаются каким-либо сногшибательным проектом и с суворовским натиском, получив благословение из Питера, начинают проводить его в жизнь. Так было с пресловутыми санными запасами. Сколько чернил и бумаги изведено, каких расходов на командировки потребовалось, какого колоссального труда стоила киргизам эта мера!.. А в результате – жалкие сотни пудов плохого сена на район с тысячами голов скота, да и такие запасы растаскивались в конце зимы, а летом совсем не пополнялись. Придет иногда какому-нибудь администратору в голову мысль проверить «казна-пшинь» (казенное сено, как называли киргизы санные запасы), и командируют чиновников. Тогда начинается горячка у ордынских властей: нередко тут же на глазах ревизора тащат на склад сено из ближайших аулов с тем, чтобы по отъезде снова водворить его на хозяйском гумне. Обыкновенно случается так, что в голодный год совсем нет санных запасов: в конце зимы растаскали, а на лето – неурожай. Не в таких опереточных мероприятиях должна выражаться борьба с джутом. Тут нужны иные, более рациональные, меры и прежде всего объективное активное выступление местных сил, оплодотворенных самосознанием и самодеятельностью. А возможно это только при условии местного самоуправления. Только в таком случае и осуществима та организация борьбы с бедствиями, которая имеет место в некоторых земствах, только тогда и киргизы, и переселенцы перестанут смотреть на недород, как на неотвратимое и непобедимое стихийное бедствие. "Жут келеди", голод надвигается, господа консулы, взявшие на себя попечение о многочисленном народе!.."

Достойная дочь великого отца

Ушедшей в феврале 2013 года Гульнар Дулатовой, великой женщине, сохранившей для народа наследие великого отца и верность его идеалам, этой осенью исполнилось бы 100 лет. Своей жизнью она являла пример благородного долголетия. Все события, которыми жила страна до обретения независимости, прошли через нее. Старшая из пятерых детей Миржакыпа Дулатова и Гайнижамал Досумбековой-Дулатовой видела и славу, и трагедию, и возрождение имени отца. Прожив всю свою сознательную жизнь с клеймом дочери "врага народа", она ни минуты не сомневалась, что справедливость и доброе имя Дулатова и его сподвижников воссияют в истории Казахстана. Судьба отца, чье имя 60 лет находилось под запретом, для Гульнар Дулатовой стала путеводной звездой. Благородство этой женщины потрясало всех, с кем она близко общалась. Она никогда не сводила счетов с теми, кто сыграл неблагоприятную роль в судьбе ее семьи, зато всегда помнила тех, кто не отвернулся от семьи опального Миржакыпа Дулатова. Одним из них был академик Каныш Сатпаев. – Гульнар-апай считала, что именно мой отец, которого Миржакып Дулатов считал своим младшим братом, помог ей выбрать профессию, ставшую делом ее жизни, – говорит известный в Алматы доктор Ханиса Канышевна Сатпаева. Ее отец в свою очередь первым в газете «Енбекши казак» приветствовал появление первого казахского профессионального горного инженера-геолога. Как вспоминала Гульнар-апай, в Кызыл-Орду, где жила их семья, из Карсакпая, откуда начинался Большой Жезказган, часто заезжал Каныш Иммантаевич Сатпаев. – То, что отец находился в заключении, не останавливало его, хотя все другие знакомые покинули нас, – рассказывала Гульнар-апай. – Мама, сообщив,

что я окончила школу, спросила его совета, куда теперь пойти мне дальше. Сказав, что будет очень жаль, если я не продолжу учебу, будущий академик посоветовал мне поступать в Томский медицинский институт. "Не бойся говорить, что отец сидит в Бутырской тюрьме, – сказал он мне. – Сибиряки привыкли к ссыльным, они на это не обратят особого внимания». Я так и сделала – поехала учиться в Томск. Правда, потом учебу пришлось прервать из-за семейных обстоятельств и завершать образование в Ташкенте и Алматы. Гульнар Дулатова уже работала над кандидатской диссертацией, когда прокатилась очередная волна гонений на казахстанскую интеллигенцию, известная под названием борьбы "с буржуазными националистами и безродными космополитами". Дочь Миржакыпа Дулатова, разумеется, первой попала под этот молох – защититься ей не дали. Но она никогда не считала, что жизнь ее в чем-то обделила. Гульнар воспринимала ее такой, какая она есть. Тем более что наряду с печальным в ней находилось место и хорошему тоже. Провидение, даровав ей долгую, насыщенную событиями жизнь, позаботилось, во-первых, о том, чтобы Гульнар Дулатова сохранила память о своем великом отце, а во-вторых, стала верной подругой писателя Абена Сатыбалдиева. Ее мечту о научной карьере воплотили в жизнь старший сын Нурлан Сатыбалдиев и младшая дочь – доктор медицинских наук, профессор Жаннат Сатыбалдиева. Младший сын, Ерлан, – известный сегодня в стране издатель, журналист и писатель. Старшая дочь, Дина, большую часть жизни прожила в Ташкенте, позже, чтобы быть рядом с мамой, переехала в Алматы. Абен Сатыбалдиев посвятил жене изумительное по силе проникновенности стихотворение "Гүлім" – "Цветочек мой" Күнім, гүлім, еркетайым – шырағым. Неге мунша тым езіліп жыладың? Алін курып, коз жасына туншыгып, Алдыма кеп кушак жая куладың. Ради нее он пожертвовал многим в своей карьере, но ни разу не упрекнул Гульнар тем, что она "дочь врага народа". А ведь ей приходилось сталкиваться и с другим отношением к себе. Гульнар-апай пишет, например, в своих воспоминаниях, как однажды на улице бросилась навстречу одному известному человеку, который до ареста отца часто бывал в их доме. Он, холодно отстранившись, попросил ее больше никогда не подходить к нему... И все же на долгом жизненном пути Гульнар Дулатовой (она прожила 97 лет) немало было и тех, для кого память о ее великом отце была так же свята, как и для нее самой. В 1976 году Бауыржан Момышулы получил Государственную премию Казахской ССР имени Абая. По этому поводу в кафе "Қаламгер" в Союзе писателей состоялось чествование, на которое собралась вся писательская элита Абена Сатыбалдиева уже не было в живых, но Бауке пригласил на банкет его вдову. Гульнар Дулатова немного опоздала. Когда она зашла в зал, все уже сидели за столом. В дверях, как и подобает казахской невестке, она поклонилась Момышулы. А писатель скомандовал присутствующим: "Всем встать!" Со словами: "Вы знаете, кто пришел? Это дочь Миржакыпа Дулатова", – он отодвинул супругу и посадил Гульнар рядом с собой. Вот так Бауыржан Момышулы со свойственным ему обостренным чувством справедливости восстановил доброе имя великого сына народа, хотя до официальной реабилитации еще оставались долгие 12 лет. Примечательно, что имя Дулатова в те годы все еще боялись произносить вслух, а "Оян, казак!", как и другие его стихи, многие знали наизусть... «В 1958 году мы с Абенем побывали на Декаде литературы и искусства Казахстана в Москве, – вспоминала Гульнар-апай. – На одной из встреч к литераторам пришел находившийся в то время в Москве Каныш Имантаевич Сатпаев. Академика, окружив со всех сторон, все восторженно приветствовали. И я, столько лет не видевшая его, решила тоже подойти. Когда он услышал, что я дочь Миржакыпа Дулатова, у Каныша Имантаевича выступили слезы. И у меня тоже. Мы крепко обнялись и долго не могли разомкнуть объятий. Нам обоим было что вспомнить, но кругом народ, толком не поговоришь. Академик настоятельно просил

прийти к нему в Президиум Академии наук по приезду в Алма-Ату. Но я не решилась сделать это, боясь навредить дорогому для меня человеку, у которого и без дочери "врага народа" хватало проблем". Дочь смогла сохранить все рукописи отца, а незадолго до смерти восстановила шесть его неизвестных стихотворений. Их ей принесли люди, которые во все времена и читали, и почитали Дулатова. Она не смогла лишь уберечь книги, изданные при жизни отца, – их изъяли сотрудники НКВД. Но их восстановили сотрудники Института литературы и искусства им. М. Ауэзова. – Мы ездили в закрытые архивы КГБ в Москве и Санкт-Петербурге, в спецхран Ленинской библиотеки в поисках этих книг. Найдя их, перевели с арабской графики на современную. Среди них есть, к примеру, полный перевод российского Уголовно-процессуального кодекса на казахский язык, сделанный Дулатовым в 1930 году, – говорит Айгуль Исмакова. Само присутствие Гульнар-апай, ее аристократическое поведение, вызывая восхищение, заставляли приумолкнуть многих большевистских болтунов. Был случай, когда один из находившихся на лечении в совминовской больнице «крупных» ученых, узнав, что Гульнар Дулатова работает здесь консультантом, тут же настроил донос: кто позволил дочери "врага народа" лечить "цвет нации"? Много раз замечательного доктора, отличника здравоохранения Казахской ССР, спасшей не одну жизнь, выдвигали в депутаты горсовета. Она вежливо, но твердо отказывалась, говоря, что хуже будет от этого всем: и ей, и тем, кто за нее хлопочет. Гульнар Дулатова вместе с детьми других репрессированных видных казахских интеллигентов приложила немало усилий, чтобы документ о посмертной реабилитации ее отца, а также его сподвижников Алихана Букейханова, Ахмета Байтурсынова, Жусупбека Аймауытова, Алимхана Ермекова, Магжана Жумабаева, Шакарима и других видных казахских интеллигентов увидел свет. Еще раз подчеркнем: наследие Миржакыпа Дулатова во многом ее стараниями не было предано забвению. Благодаря прекрасному знанию трех языков – казахского, русского и арабского – она подготовила и выпустила пятитомное собрание сочинений отца и три книги своих воспоминаний о том времени, в котором жила сама. Судьба, сохранив в живых старшую дочь Миржакыпа Дулатова, словно позаботилась о том, чтобы она восстановила для потомков его светлое имя.